[illegible] И ИСКУСТВО КОМПАНІИ 41°

[illegible]

41°

№. 1

ЦѢНА
3 руб.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ—ВОСКРЕСЕНЬЕ 14—20 ІЮЛЯ 1919

Компанія 41° объединяет лѣвобережный футуризм, и утверждает **заумь** как обязательную форму воплощенія искусства.

Задача 41°—использовать всѣ великія открытія сотрудников и надѣть мір на новую ось.

Газета будет пристанью событій из жизни компаніи и причиной постоянных безпокойств.

Засучиваем рукава.

Аполлон в перепалкѣ.

(Живопись в поэзіи).

„Крученых
ногу втыкаешь ты
въ мяхково евнуха“
(Терентьев)

Рисунок—перпендикуляр сразмаху!

Необычное положеніе ноги: штопоръ или буравъ...

Композиція у Пушкина—естественное хожденіе, шатаніе из угла в угол и только смерть прекращала приводила необхо- [illegible]

А в приведенном Терентьевъ необычность живописной компановки!

„Пароход плывет по Волгѣ
По стѣнѣ верблюдъ ползетъ“!
(частушка)

Горизонталь пароходнаго рейса, пересеченная вертикалью карабканья верблюда—верблюд воткнутый в пароход!

Кажущаяся нелѣпость—мудрость рисунка!

Живопись—проявитель такой композиціи поэта и начертаніе звуковъ: ударяемые **крученых** и **ты** дают звуковой **тык штычек** в отдувающагося как пуховик мяхково евнуха“!

„Как памятник трезвый
Публично сплю“
(Терентьев).

(Человѣк не стѣсняющійся дѣлать публично все!)

Памятник ложится, но сейчас же протестует и встает, потому, что он „трезвый“: рѣзкій, прямой, рѣзво вытянутый во фронт!

И тут же—„сплю“—распластанная постель (сравни: лежа бѣгаю)

Перпендикуляр мигающій!

Все изображается въ неприсвоенном положеніи и направленіи: вѣтеръ дуетъ **снизу**—„вой из войлочной туфли лихо радуй“.

—лихо радуй и лихорадуя (лихорадочно и пр.)

„Пока не упрусь дощатой подошвой
Въ собственный каинный рост“
(Терентьев)

„Суп наголо“—
суп выдернутый наголо!

„Красота со взломом“—
лом продырявливающій икону!

„Совершенно неизвѣстно чего пожелает
Мой желудокъ
Хотабы через пять лѣтъ
С луком растянутаго бульдога
Ежа
Баталіон телят
Или перепоротую кашу Лилилильню
Изъ фесталя.“
(Терентьевъ)

Построеніе: растянутый бульдогъ (растинутый куб!), воткнутый еж (нож), марширующій баталіон телят(!) и снова—каша разливная и перепоротая

„Поэзія что такое?
Укража дойное молоко
А корова?!!!!
Слово!
А быкъ????
Язык!“
(Терентьев)

Корова стоя читает газету. Ноги—четыре перпендикуляра. Бритва языка подкашивает тяжелаго быка—поэзія определяется графически! Только при разборѣ я замѣтил что в рукописи послѣ четвероногих слов по четыре вопросит. и восклиц. знака!)

Каждое построеніе протыкается, проткнуто (проклято):

„Сливки мокко модница
Висла яблоко Николай угодник“
(Крученых-Терентьев)

Созвучныя слова. Общность их и в построеніи, которое выражается одним рисунком (—,1): поверхность сливок на тарелкѣ, рядом—стоящія жестянки и модница Яблоня повисла—а может рѣка Висла или висячая—и на берегу яблоко-ня, а повыше [illegible] не подходи, а то выгладит!

В страхѣ бѣгут „дезертировавшіе меридіаны“—сухощавные поджарые спортсмены, растянутые в безконечность (лежачіе бѣгут)

Три названія перпендикуляра:

1) кличка „трезвый“ (человѣк)
2) Николай Угодник (дух)
3) Дезертировавшіе мердіаны (вселенная)

„Птица тройка! Кто с ней угонится?!.

Наконец то Щедрин дождался, что (мы) стали к нему перпендикулярны—смотри его „будьте перпендикулярны“ (сравни: я очен вам перпендикулярен“)....

Воткнутый под прямым углом кинжал классической трагедіи не трогает современнаго сердца: онъ кажется холостым чертежом. По Аристотелю красота доканчивалась гибелью. Акробатическія выдумки стараго искуства не были сами по себѣ достаточно интересны почему публика вѣрить могла в основательность танца только послѣ сломанной шеи: это ее убѣждало восхищало!..

„Красота в погибели“
„Любовь и смерть“
„Философія трагедіи“

Веселье достигалось привѣшенным черепом

„Прими сей черепъ Делвиг, он
Принадлежит тебѣ по праву“

—Кубок—черепъ!

„Все, все, что гибелью грозит
Для сердца смертнаго таит
Неизъяснимы наслажденья“
(Пушкинъ)

Грубость вкуса, воспитанная старым искуством, требует искренности лирика и гибели въ трагедіи. Мы живем въ варварское время, когда „дѣло“ ставится выше „слова“, А у Терентьева: „цвѣтут какаисты Бревна смѣхом, воткнутая нога (кинжал)—цвѣтетъ сама (интересно осуществить все это на сценѣ!), а что дѣлается с продырявленным евнухом—для композитора не видно,—сажаемъ мудрецов на кол, устраивая громоотвод жизни

„Не упускайте случая
Сказать глупость,
Усыпительной пулей уносится
Всякая пакость“.
(Терентьевъ
из книги „Херувимы Свистят“)

„Сорок соборов на одну Лизу“—
такой размах!..

В драмах Зданевича дан кинемотограф перпендикуляров—ежеминутно встает и падает:

В „Янко“ частокол-разбойников, косая блоха и распяленный Янко, испускающій мало „фью“.

В пьесѣ „Асел напрокат“ вертикальные женихи с невѣстой (Зохной) и горизонтальный осел. К концу всѣ ложатся въ слезах наземь.

В третьей дра (!) „Островъ Пасхи“ безпрерывныя смерть и воскрешеніе из пяти лиц: эффект выщербленнаго забора и спортивная комбинація пяти пальцевъ в сырное лицо смерти...

ВОЕННОЙ ВЫЗОВ

„У-у-а ме-гон э-бью“.
(Крученых)

У-у—глухой рев книзу и затѣм рѣзкій переход кверху (а)—раскрывшаяся пасть.

„Ом-чу гвут он
За-бью“

Опять „хлопасть“
[illegible] а“—лягушачья [illegible]
„Са-с[illegible]
„Зарья???
Качрюк!???!“—

графичнось вопросительнаго знака—круженіе в военной пляскѣ. („вопросительный крючек“—выраженіе Пушкина)

ЗАДОРНЫЙ ВЫЗОВЪ

„Чхо-хоа“!
увей чипля!
злукон! злубон!
шашимп!..
Фа-зу-зу-зу!..
(Крученых)

—шипѣнье брызги чахи, хлопанье лопнувшей камеры на всю Европу

Колючки осколки и брызги....

„Заюская гугулица“—(Фавни: юсь, высуить как шерсть, молюски)—тонкая как волос блондинки, как математика. Гугулица—дикое у-у гу,—чудище на тонкой плюснѣ—ножкѣ...

РИСУНКИ СЛОВЪ: (Терентьева, Крученых, И. Зданевич)

1 **Свороченныя головы**—мочедан (чемодан), шрамное лицо, мрачья физіономія и др.

2 **Двухглавыя слова**—я не ягеній, впиту исусами (отчаянно пьяный)

3 **Сломанное туловище**—мыслей (ударенiе на е), Овделія (исковерк: офелія)

4 **Троичные в брюхѣ**—злостеболь (злость и боль), брендень (бред, дребень, раздробленный день). Вчимдѣла.

5 **Мохнатыя слова**—бѣден, как церковная лектриса (притягивает крысу), пеечка (мягкое, круглое, пѣнистое). случайка и др.

6 **Третья нога**—летитот (летит от) во снѣ на Козерога.

7 **Однорельсныя**—жизь (вмѣсто: жизнь) нра (нравится)

8 **Трехрельсныя**—циркорій (вставная буква р)

9 **Свыжатой серединой**—сно (вмѣсто сон),

СЛОЖНЫЯ КОМПОЗИЦІЯ: (груз на кабелѣ, прикрѣпленном за кобуру горла)

Выбурив ка-горло
по кабелю
спускаюсь
из аптеки
в
сак—
вояж
(Крученых)

41°
КОМПАНІЯ
Основной капитал 1.000.000 руб.
Книгоиздательство
ГАЗЕТА
ТЕАТР
ВСЕУЧБИЩЕ
ОБРАЗЦОВАЯ ФЕРМА
Проспекты по первому требованію.

—Крѣпкая перекладина. По кап (б) елю, по каплѣ (ростянутое а). в саквояж—(сак—бряк, вояж—ляж—ка, пляж.

Еще возможны композиціи: из разных кривых, лучистая, симультане, пятинистая и пр.

[illegible]

Карабкающ[illegible]
по прямому [illegible]лу
птиц

Х Р Ж У Б

—Легкость (вертикальная фраза) и тяжесть (хржуб).

В заумных словах, освобожденных от груза смысла, наибольшая сила и самостоятельность звука, крайняя легкость (фьят, фьят; мечтаянный пюнь) и крайная тяжесть (дыр-бул-щыл, хряч сарча Крочо, хо-бо-ро, хружб.).

Чередованіе обычнаго и заумнаго языка—самое неожиданная композиція и фактура (наслоеніе и раздробленіе звуков)—оркестровая поэзія, все сочетающая

Замауль!..

А. Крученых

Изабеллѣ Седьмой

Открытое письмо

Madame!

Печально, что ваш недавній пріѣзд в Тифлис лишил вас возможности быть слушательницей футурвсеучбища прошлаго года и в частности моих докладов. Это дало бы вам возможность хотя бы нѣсколько ознакомиться с футуризмом и не писать несуразностей, помѣщенных в газетѣ „Новый День“. Я имѣю в виду ваши разсужденія по поводу семитизма в футуризмѣ. Позвольте же вкратце указать вам поэтому.

Футуризм—заумный ставит задачей воплощеніе в словѣ таких сторон переживаній, которыя не могли быть никак воплощены нашими предшественниками, пока поэзія имѣла дѣло со словом, привязанным к смыслу. Для этой цѣли футуризм создает слово заумное. Слѣдовательно, он не только не отказывается от воплощенія Бога, но наоборот, стремится к этому и притом успѣшно, побѣждая скептицизм эстетов, разочаровавшихся в своих средствах—Тютчева с его Silentium и Фета („О если б без слова“). Примѣняя вашу концепцію могу сказать, что футуризм есть новое христіанство, а заумная поэзія воплощеніе Сына. Наши сотрудники в этом дѣлѣ хлысты и сектанты—чистѣйшіе арійцы, так как Богородица их еще понынѣ здравствует на Охтѣ.

Между тѣм вы утверждаете как раз обратное. С трудом допускаем, что вы невѣжа в литературных дѣлах. Но повидимому вами руководили умысел довольно некрасивый или вѣрнѣе вы проектировали на нас собственные пороки—отсутствіе вдохновенія и свой скептицизм в вопросѣ о воплощеніи. Вѣроятно у вас никогда не было дѣтей, madame.

Илья Зданевич.

Грусть

Удивительно как я еще шевелю усами
Скучно мнѣ переходить Черное море когда
оно разступилось

Каким шагом заполню толстое полотенце
Мой фонтан бьет только книзу
А глаза без боли пронизывают юфтовую тучу
Поэтому сразу хорошая погода
Какое искусство покажу будучи такой счастливый

Просто хожу
Завтракаю на два куверта
Вот скоро за моей спиной начнут творить
чудеса

И станет все необычайно дешево
Я тогда уже буду висѣть на шеѣ
У каждаго праведника.

Терентьев.

ИЛЬѢ ЗДАНЕВИЧУ

СлеЗа маРшируеТ
нА пИк оСтріѢ
кобрА нос ТоТиТ
тулІЯ выраЖаетСя
эліЯ лІя А А А
АБывЫГыДжЗЫ
ИКЛ!
[illegible]
И Л Ь Я!!!

И. Терентьев.

Братья Писатели.

Изабелла Седьмая, „Пріятельница Григорія Робакидзе, (?!) напечатала в солидной газетѣ „Новый День" колкую рецензію на книжку поэта Терентьева: Что можно требовать отъ футуриста", „чтобы усилить силу ерунды", „в эпоху орудій всевозможных (!) никого не устрашишь", „Терентьев оказался довольно плодотворным", „эротическій солипсизм", „Пристрастіе Крученых к анальной эротикѣ и Терентьева к перпендикуляру"... Не акушерка-ли это?!... Оказывается „Новый День"—пріют для секретно—беременных и безграмотных модернисток?!

ХРОНИКА.

Исчез с лица земли поэт Василій (он же Анатолій) Каменскій.

Поэт Гр. Робакидзе вернулся из Казаха.

Поэт А. Чачиков вышел в отставку в чинѣ полковника и занялся заумной поэзіей.

Редакція Оріона в обществѣ художника **Судейкина** совершила на днях увеселительную поѣздку в Боржом.

Скульптор Кепинов заказал, наконец, новый костюм у Кричевскаго. Пока нечѣм заплатить.

Археолог Д. Гордѣев выѣхал в Мартвили для обслѣдованія мѣстных древностей.

Актриса С. Г. Мельникова выѣхала на дачу в Махинджаури.

Поэт Ю. Деген перенес резиденцію из Баку обратно в Тифлис. Цех Кольчуги собирается по прежнему по средам на его квартирѣ—Мачабеловская, 3,

В художественном мірѣ идет агитація за перенесеніе праха Нико Пиросманашвили в Пантеон.

Не прекращаются разговоры о закрытіи журнала Оріон за отсутствіем у издательства средств.

Журнал Арс причисляется к лику святых

Доктор Г. А. Харазов стал посѣщат „Цех Кольчуги". Как говорят это объясняется тѣм, что Крученых в Зугдидах, а Зданевич умер.

Новый Телем. В. Судейкина, С. Андреева, С. Судейкин, С. Рафалович. А. Сорин. и Вавочка переселяются в зданіе заведенія св. Нины, гдѣ им отведены 2 зала и организуют новый Телем. Вход по приглашеніям.

Нико Пиросманашвили продолжают усиленно скупать. Лучшія пріобрѣтенія сдѣланы в собраніе И. и К. Зданевич, обще-м художников Грузіи, Лукьяновым и правительством.

Передаем как непровѣренный слух, что Изабелла Седьмая псевдоним.

Поэт А. Крученых на днях возвращается в Тифлис, чтобы принять активное участіе в 41°.

41° на той недѣлѣ открывает отдѣленіе в Баку.

Поэт **Илья Зданевич** осенью ѣдет в
риж.

Адмирал Сеймур посѣтив Тифлис
рѣл картины Зоммера. Таким же
отличаются остальные англичане.

Модной темой свѣтских разговоров
ется рѣшеніе вопроса—поэт или нѣт
Зданевич. Призванный арбитр С. А
как говорят, рѣшает этот вопрос
тельно.

Терентьев стал ежеполуденно обѣд
„Мефисто" на 2 куверта.

МИЛЛІОРК.

Свинцовая типографія падает и разсыпается в погонѣ за браслетом

Крылатый воздух подеревень
Меня несет
На поѣзда
Откровеній!

Здѣсь точнѣйшій силлогизм буквы кр, зл, по, ен, ве!

Поэтому в молочной быстротѣ стѣлочница не поймет простой надписи:

Міровая рябость
Иуснэ
Бурбунхо Турэгэ
Марак Тоган
Бхухут

в 7 секунд пролетѣло 2000 вагонов со словами „бульный транспорт"!

Проѣхало: рябое озеро, китайская фанза, станція Бахмут, барышня в купѣ читающая Тургенева, Маркс, или Ноган тифлисскаго милиціонера??

Я сам себя не понимаю
Как курица несущая золотыя яйца
Электромотор освѣщающій уборную красавицы
И только чувствую:
Зудит моя физіомонія...

Художник—производитель пустых мѣст
Так возникает цѣнный город там, гдѣ поскользнулась нога

Я бью поклоны
О пустоту котла
вспорхнуть опять
Готовы
Два повара
ПО—ОП—ПО—ОП! ТИ—ОТ!
Перик обѣг!
Оскор уррн—ы!
вззвон!
Бэль—эк!
Стопу
УРРА!!!

бой на перочинных ножах

Самое легкое на свѣтѣ—зрѣлища!

В пыльных кулисах
Отдых от копыт мысли
Мои глаза удивленные вылѣзли
Как у повѣшенной птички...

[illegible] лагаю заняться изслѣдованіем [illegible]
и „Т" по санскритским пташкам!

Не сходя с мѣст можно увидѣть все

Малознакомая дама
в гостях
Вертит в темнотѣ грамофон
не зажигается
Зѣвает суп

Как трудно повернуть холодную шею чтобы наткнуться во второй раз!

Говорят—„единица счета"! Нѣт!

Ноль равен милліорку! Поэтому восторг выражается буквой **0**!

Жалит пчела только раз
Выпивая предсмертную сладость
Только раз
Свинчатая мина взрывается
Олень издыхает
Однажды и навсегда
Я же ужалил цикуту
и клеопатру
Осу привил ей чернюху
Я оплевал самого себя
И толстѣю как крыша
Скоро не подыму
Стопудовое брюхо!

„У меня полный живот слов"—сказано ребенком!

Желудок—сѣдалище генія!

Больной живет головою
Здоровый—пузом
Высока радость одного
А другого—грузна

Зданевич говорит—от вина все становится масенным... По моему, горячій картофель в ледяной простоквашѣ дѣлает каждаго любезным:

Терентьеву
По—братски—нѣт!—
а по творецки
Раздѣлим мір с тобой!
Я выхольный милліардер
средств
Для переверта салонов
В РУ ПОР!...

(звуковой контекст) сдвиг по творецки раздѣлим мір как разбойники на большой воровской красота со взломом

Если ставить памятник надо сдѣлать фигуру—фонтан; из носа, из ушей извергается все что может быть и без передышки

Творить чудес я неустану
За мной голый народ
Уже накормлены четыре стада
Но все же хмур мой рот

Вещи смотрят как пристальное дуло

На грохоту стальномъ лежу
Посплю,
сквозь падающій щебень
Вижу руль
Увязшій в лужу
Но ошибается и шофер
Когда дорога вся
как грохот

Длинное путешествіе (мое ст. Баладжары)

Желѣзный франт в цилиндрѣ
всю ночь не спит вагонѣ
на остановках
с б-ѣ-ш-е-н-с-т-в-о-м мѣрит
саженями
платформу

Послѣ милліорка верст опять станціонная тиша с вывѣской

Спасительная опечатка
Юродесь шинкарка
Зарябила мір:
Нес ложе
Ранты кур
шляпцы
или:
Упади вятку
Корзины битв
Шелковыя колымаги
Палит шибко
[illegible]

Не все-ли ровно что болтать если языки развязались... как у апостолов

Пока умылся
Бог ушел
А паровоз смор
Кался за стѣной
Турманами
Колеса
Чордобитьем
Разорваны
Штаны

Сначала или ссередины—одинаково:

Мірозданіе начинается с четверга
Царствуют окорока земель
Спят величавые сторожа
Тушеным ясомъ
Приползет
Каракасина!

Сравни „сорок сороков"

Все это начитано из книжек—рукописей Крученых и предназначено для самаго остраго носа по страницѣ в день.

Хотя не нравится,—читай—мучайся! Нѣжно любленная литература кончилась. Один из несомнѣнно культурных поэтов нашего времени—Сергѣй Рафалович—сознается: **и быль** не зазвучит как дифирамб"! Конечно нѣт!

—

Я поставщик слюны „аппетит, на 30
стран
Успѣваю подвозить повсюду
Обилен ею как дредноут—ресторан
Рельсы блещут как канкан
Цистерны экзотичный соус подают к каждому блюду
Мнѣ разжигателю похоти казна
Дорог мой вид неудержимой шапуче
батинкой трясучей
Я пепсин для жвачки и мандрия
Пѣнюсь до потери сил
Пѣвицы с треском лѣзут мнѣ ручки
Жабы нѣжности сѣроглазастыя
Лѣзут из водопроводной ноздри
Влюбленныя коренастыя
Лижут уши мои!
Планетам всѣм причастен я
Музка, слезы блузкой оботри
Заатлантическій транспорт моей насмор
ной глубины
Не знает предѣлов!
Пароход восторжен от маршрута шарен
У него бока грузны
Не принимает на борт других консерво
Сквозь дождь слюнявый мір заблестит гр
масной радугой
Без нее как без вежетала на землѣ сух

—

Я прожарил свой мозг на желѣзном пру
Добавляя перцу румян и кислот
Чтобы он поправился, музка тебѣ боль
Чѣм размазанный торт
Чтоб ты вкушала
Щекоча ноготком пахнущій терпентино
(смочек)
Сердце мое будет кувырком
Как у нервнаго Кубелика
Смычек.

—

Когда мнѣ дали плюху
Я сказал:
За битаго всѣх вас дают
Пощекочите еще
Мое личико!
Какой скандал!
Надбавлен мой пьедестал!
Тот поблѣднѣл как парашют
Просящим глазом
Закивал
Отдайте мнѣ назад
Безвозвратно и свысока был мой отвѣ
Ни единаго плевка не получит ни одн
ловѣ
Так и умрет
без автографа
Вы вызывающе на ДУЭЛЬ знайте
Обижаться мнѣ Африканская лѣнь

—

Чисто по женски нѣжно и ласково
Она убѣждает, что я талант
Что меня по меню положат на—стол
И будут всѣ как лучшій ужин захлеб
лась лакать
Ватага изысканных жевак
Набросится на мою телячью ножку
Кину им пачку улыбок золотых рыбо
Будут пораженные плясать до утра бр
воистину ложками
Запивая ликером моей цвѣтущей руба
Гдѣ на подтяжках висит краснаго дер
дива
И стану в въ угол и буду от восхи
и благодарности плакать
а за мною
У весь кафе-ресторан...

—

Меня заласкали,
Меня залюбили
—Заландалы—
в Бразиліи
дамы
в зеленом автомобилѣ
. . . .
и я разслабленный
нефтеточивый
нефте . . . .
ефте!
рчив . . . .

Музыка А. Крученых, слова И. Тер

Рекорд нѣжности

(Житие Ильи Зданевича)

Ранние годы поэта, его дѣтство никого не касаются. Извѣстно только что тогда был необычайно красив. В отрочествѣ он окончил Тифлисскую гимназию, в юности Петербургский университет по юридическому факультету, а молодые годы провел между Кавказом, Петербургом Москвой и Парижем, гдѣ выступал публично с лекциями, чтением чужих стихов и просто так.

Общие знакомые передают анекдоты о „Школѣ Поцѣлуев" открытой будто-бы Ильей гдѣ-то на сѣверѣ, говорят о блестящей рѣчи, произнесенной им в Кисловодскѣ, кутежах, о распутствѣ, дерзости и о веселом нравѣ добродушного, эгоистичного, сухого, сентиментального, сдержанного, вспыльчивого и преступного молодого человѣка.

Вызывая в людях не только уважение, презрѣние, злость, но и участие, Илья много слышал полезных наставлений от родственников и друзей, которые всегда чувствовали, что юноша пойдет далеко.

Молодой человѣк слушал всѣх и всѣ наставления исполнял, удѣляя каждому недѣлю, мѣсяц или год. Но в то же время, без всякого призвания,—по собственной доброй волѣ Илья стал поэтом. Это случилось давно, и обнаружилось в прошлом году, когда в Тифлисѣ выскочила оранжевая блоха—первая книга поэта,—„янко круль албанскай".

Кинематографический снимок всѣх звуков, которые слышал и хотѣл бы слышать Илья в течении 20 с лишним лѣт!

Увертюра к дальнѣйшим драмам поэта что теперь вышли и печатаются.

Всѣ людские пороки растянуты в „янкѣ" до предѣла:

Стяжательство—янко ловит нелюбимую блоху и пишет на ней „собственность янки"
Нищество
и отсутствие
пола——„янко ано в брюках с чюнова
плачи абута новым врежином",
Трусость—„папася мамася", „ана ваней
двумой".
глупость
и гордыня—„ае бие бие бао бяу бая".

Сюжет простой: проходимец янко набрел на каких-то разбойников, которые в это время ссорились. Как человѣк совершенно посторонний и безличный,—янко приневолен быть королем. Он боиться. Его приклеивают к трону синдетиконом, янко пробудет оторваться, ему помагает в этом какой то нѣмец зренталь: оба кричат „вада", но воды нѣт и янко падает под ножем разбойников, испуская „фью". Вот и все. Это сюжет для вертепа, или театра марионеток.

Можно видѣть тут 19 вѣк России.

Галчиво, дубовый буфет и Серафима Саровского.

Голос Ильи Зданевича слышен в „янкѣ" достаточно хорошо, видна и постановка его на букву „ы", что позволяет легко брать верхнее „й":

„албанскай ызык с русскии
идет от ывоннаго"

„заоумный язык открывает всѣ чисто русския возможности, которыя в „янкѣ" однако не использованы: там нѣт ни одной женщины, ни одного „ю",—ни капли влаги.

Необыкновенная сухость словесной фактуры, твердая бумага и обложка цвѣта оплавлѣвшей желчи,—заставили многих принять Илью Зданевича как академиста и бюрократа.

Поэт раздѣлил судьбу своего героя: ему нехватило „воды"! Температура 41°! Твердый нос! Зданевич ищет душевную мягкость (слюни любви): так образовался позыв к анальной эротикѣ! Заболѣвает брюшным тифом! Пишет новую драму—„асел напракат"—компрес из женщины, который молитвенно прикладывается без разбора, то к жениху „А", то к „Б", то просто, по ошибкѣ,—к ослу.

Всѣ неприлично любовныя слова в безпричинном восторгѣ юлят, ются, яются, вопают, сиют, переслюняя самого юсного поэта Велемира Хлѣбникова.

Рекорд нѣжности поставил Илья Зданевич, сiяя от удовольствия!

. . . .

В третей драмѣ цикла „аслаабличчя" (всего 5 драм: двѣ послѣдния нам неизвѣстны) превращение осла в человѣка болѣе рѣшительное: хозяин говорит о дѣйствующих лицах „остафа паски" почти ласково: „Купец парядочный асел ващц таво пущы двѣ с палавинкай каменых бабы тожы дрянь".

Очень веселая драма: всѣ умирают и всѣ воскресают—период... мѣсячный!!!

Двѣ с ½ бабы (характеристика)—первая—мать припудренная землей; грим старухи. Вторая—сволочница с истерикой в ванной комнатѣ.

Половинка—просто ½!

И самыя милыя слова ващца обращены к половинкѣ:

„леся
лежная лупалька
ланя"

Это соловьиная трель (буквы ч, ш, щ, ц, с, ф, х, з,—передают плотския чувства: чесать, нѣжить, щупить шепотать...)

Голос „палавинки" въ оркестрѣ баб самый простой:

Кон ук Ит кукит
ии конии
я, т. е. коня

Она тоже любит шипящие звуки: чья, бзылыны!

Ибсеновская неразрѣшенность замѣтная въ „aслѣ напракат" исчезла в „острофѣ паски"—тут уже „непарно копытным надежы" сбываются: паска атрицательный паказатель смерти минструации каменных баб разрешают дѣйства паска и ващу

крапит ващца кровью баб
ващц
оживает бежит
хазяин

. . . .

Умный человѣк никогда не возражает по существу.

Илья Зданевич ангел небольшого роста и наглый пѣвец

Слѣдующий сеанс: „зга якабы" и „лидантю фарам"

На канец!

Терентьев.

41°

Возникшая недавно организация 41° кинут—основаны—книгоиздательство, газета, университет и образцовая ферма. Книгоиздательство выпустило ряд книг и завалило типографии дальнейшей работой. Очередные выпуски „Асел на прокат" Зданевича, его же „Ужуна", Терентьева „Рекорд нѣжности", „О сплошном неприличии", „Желѣзный франт" и т. д. Книгоиздательство произвело такое впечатлѣние в художественных кругах,что такие далекие от 41° мастера, как художник Судейкин и поэты Табидзе и Чачиков просили принять к изданию их произведения. Театр 41° будет находится против дворца—для этой цѣли перестраивается здание музея, часть которого приспособится под университет. Пока лекции будут происходит в одном из клубов. Образцовая ферма создана в Лисия—ея назначение доить грамотных идиотов.

—**Приобрѣтение картин для Госуд. Галлереи.** Комиссией по искуству Учред. Собрания Грузии приобрѣтено 3 картины худ. Пиросманишвили для Государственной картинной Галлереи за 2,200 р.

(Кав. Слово Слово № 129)

На что способны футуристы! спрашивает Изабелла Сельная (Нов. День № 10) **Национального гения Грузии открыли и спасли футуристы художник Михаил Ле-Дантю (†1917 г.) поэт Илья Зданевич и художник Кирилл Зданевич.**

Азеф—Іуда—Хлѣбников.

(Вымыт)

Превратна судьба творений В. Хлѣбникова: они при жизни бвяча были как посмертныя (против его воли): друзья „по дружески" стащили рукописи черновики да и тиснули—получились „Творения, том I", „Затычка", „Дохлая луна" и др. Так впрочем с Хлѣбниковым и потом поступали... И если не всегда рѣчарь улыбался, зато читатель может радоваться: ему выпало счастье видѣть слишком интимное творчество, по которому не прошлась даже рука цензора-автора!

Тут и законченныя произведения и уцѣлѣвшие клочки и наброски, вплоть до дневников!

Поэт не только обнажен, но даже вывернут и вытряхнут!

Вот его богатое нутро:

„Небистѣли небистѣли
Озарив красу любви
В нас стонали любистѣли
Хохотали каждый ни..."
Ярь, Ярейца, Яроба...
Ярюта (божок любви?!)

Леги сверкающие небесные зайцы—смѣянцы!

„Их нѣжныя милыя личики
Смѣялись вершиной кудрей
Из уст их струилися кличики!
„Смотрите, живите бодрѣй".

(„Творения" 24 ст.)

Да это они и смѣюнчики, смѣюневичи, смѣюнние, смѣянцы!

Уста их сахарно-влажныя и голос „нѣгоснѣжнаго серебра".

Неловко?

Очень уж сладко?

Но вы вслушайтесь в словотворчество это завершенность великой полосы жизни:

ЛЮБОВИЦА.

Я любистѣль, я нѣчистѣль,
Я нелгиня, я богиня,
Быть смѣянственно голѣй
Звѣздный иней, звѣздный иней
Будь, упав на звук, смѣлѣй!

И дальше

Красотою люботява и любиня и любитава
Любрава. Любер. Любр. Любхо
Я любистель! я нѣгостель!

Да это сущий колдун! Улыбаются свѣтлые глаза и не оторвешься—так и будешь повторять за ним:

Небистѣли любистѣли
Мизна. Мизнь.
Небязь. Небичь.
Грѣхачь. Мерда. Морьба. Смердва.

Кажется это ничего не значит.

Вот хорошо, таково чистое колдовство, глухое, незнакомое!

Вѣдь это как в пѣснѣ вѣдьм: -

„Шагадам, магадам, выкадам.
Чух! Чух! Чух!
Чух!"

(„Изборник")

Не лучше ли оставить так это мамайство?

„Колдовство, если его раз'яснить, не дѣйствует",- но хочется узнать это магическое слово!

„Сезам отворись!"

Хлѣбникова раз'ясняет признание Лермонтова:

„Я без ума от тройственных созвучий
И влажных риѳм, как например, на Ю".

Ю сокращенное ёни (см. нашу замѣтку о Пушкинѣ в „Тайные пороки академики").

Игривое словоновшество

„Но чу! вездѣ полет вонзий!"

Долюбство... улюбнулся в любицу. Ягодица любви.

Это „мѣстоимѣние" великой вавилонской Лилю, „дѣвы ночи", что являлась мужчинам во снѣ и мучила их неудовлетворенной любовью, тогдашней полицмейстерши, еврейской Лилит! (Сравни стихи Сологубящего о женѣ его—Лилит). Она [illegible] схваткѣ мамулийцев.

„Улюбнула в любицу!"

Хлѣбников даже подыскал русское имя, ближайшее к Лилѣ (Лилит)—

„Любите носить всѣ тѣ имена,
Что могут онѣжится в Лялю..."
„Лялю на лебедѣ
Если замѣтите,
Лучший на небѣ день
Кралей отмѣтите". („Творения").

Этакая юная Леда!

„Ляля на лебедѣ—Ляля любовь!.."

Как видѣние проходят у него бѣлыя мавки, вѣдьмы, русалки и вилы с лебяжьей грудью:

„Коса волной легла вдоль груди,
Гдѣ жило двое облаков,
Для восхищенных взоров судей
Для взоров пылких знатоков".

. . . .

Когда то рисунки в книгѣ поясняли слово, теперь затемняют.

Но если повѣрить художникам, украсившим книгу Хлѣбникова, и если допустить, что рисунки добавляют и раскрывают книгу, то что мы увидим?

На страницѣ 5-й „Творений" Хлѣбникова поэма о лѣсной дѣвѣ „Лискѣ", а перед этой страницей вкладной рисунок раздавленной (?) собаки с невозможно изломанной (повернутой задом?) обнаженной женщиной в позѣ крайнѣ двумысленной.

Такая же дама с необыкновенно широким тазом, и перед стр. 22-й.

Как произведения Хлѣбникова, так и рисунки к ним (Д. Бурлюка), напечатаны без разрѣшения поэта—но может поэтому они пристали еще удачнѣе!

Как иначе нарисовать:

„Небистѣли, небистѣли
„Мизна
„Мерда. Смердва"—?

Или:

„Гопо, гоп, гопопюй?
„Пинцо, пинцо пѣй.

У Хлѣбникова все с улыбочкой, т. ч. иному сперва померещится Фет и Верлэн, но в улыбкѣ этой не видно ли смердва и мердва—морда Смердякова?

И еще?..

Небистѣли—постель и небо, которым привили дурную болѣзнь или обнажили в самую интимную минуту! Тут и „бла" и „на простынѣ порока пятна". Если Хам посмѣялся над своим отцом, то над ним посмѣялся Хлѣбников?

„Веселѣе грѣхош
Хлебематствует мотеж".

(„Союз Молодежи" III-).

„Я небичь блѣдный
„Небичь зыбкий
И небязь [illegible]"

а ученики учужли подхватили и уже продолжили:

„Гром из-за тучи, звѣрѣя вылѣз
Громадныя ноздри задорно высморкал
И небье лицо ссекунду кривилось
Суровой гримасой желѣзного Бисмарка".

Маяковский.

Это из „Облако в штанах".

Конечно, если о небѣ так выражаются, то оно в штанах, или еще хуже!

Ученики размазывают всѣ тряпки, но первый за них взялся Хлѣбников.

Он ясно и кратко выразил свое отношение ко всему мiру:

„Вѣчность—мой горшок
Время—подтиралка!
Я люблю тоску кишек
Я зову судьбу мочалкой".

(Сборник „Затычка").

Опять это было напечатано без разрѣшения автора—кому же охота преждевременно откровенничать? Здѣсь тон простой и дѣльный—как послѣдняя воля.

Конечно, Хлѣбников возмущается, когда его так выдают, и все собирался печатно протестовать—да что-то помѣшало!..

А что печатал Хлѣбников сам, было повидимости другое, а в сущности тоже самое:

„Там гдѣ жили свиристѣли
Гдѣ качались тихо ели
Пролетѣли улетѣли
Стая легких
Времирей“.

Или:

„Любезь борзость туч,
Любезь блѣдных лучей“.

Или болѣе пѣвучая юная поэма:

„Нѣголи легких дум
Бѣгали к легкому свѣту“.
(См. „Изборник“)

„И в дебрях голубых стонало солнце
Любри голубри, небо разсыпало

Этакая простота и невинность!

И вышеприведенное:

„Небистѣли, небистѣли
Озарив красу любени
В нас стопали любистели
Хохотали каждый ин...“

Но тѣм болѣе великій и желтый (гумигутный) Іуда глядит из-за этой благолѣпной ясности сюсюкасловія.

Так же ослюнявил, под видом поцѣлуя П. Хлѣбников и Любавицу (обабиться, бабица).

Конечно Маяковскаго видишь за версту и не ошибешься.

„Вот вы прохвосты бездарные многіе!“

И раз человѣк вывѣсил на лбу:

„Умный! Талант! Я сутенер и карточный шулер“,

то сразу видно с кѣм имѣешь дѣло и в карты играть с ним никто не сядет, а если сядет, то шулер похлестче его!

Не то Хлѣбников—его дсп. всѣ дѣвицы называют воробушком, считают необыкновенно нѣжным, а „вѣдающіе міры иные и 8-ое измѣреніе“—вѣрным.

Да и какъ не считать?

Вѣдь можетъ это у него от большой любви слюнявость такая? Вѣдь может он слишком уж предан, до приторности?

Он так пропитан „сладостью“ и сладостью, что она у него из каждой буквы, изъ каждой прорѣхи!

Его словарь начинается съ любви и кончается любистелью, между ними тщательно спрятаны юбка и постель.

Падеж любви.

Она склоняется и спрягается на 5-ти притах, Хлѣбников довел до конца, начертил всѣ возможности этого слова—(въ Дохлой лунѣ). Он закончил дѣло символистов и начал новое.

ЛЮБЮ.

За любясь влюбнось любиша лублѣя в любіевах.

„Любный, любилу любеж, любялѣх **любяшечников**, в любитвах и любой олюбил, залюбил **улывнулся в любищу**“...

„Любаны, любило, любанье, залюбилось нелюбью к любиму, любицей любимоч прилюбилась въ залюбье“...“

ю, лю, ли, ню, ня—
любимыя его буквы!
это чистое словесное ню!

Как отнестись к этими словам баяча? съ ихъ эстетической стороны?

Небистѣль... Лиска,
Небязь,
Мизна,
Мизнь,

В. Брюсов критикуя И. Сѣверянина просто пишет: и в одной из своихъ поэз (какое безвкусное слово!)“...,

Но все таки—почему поэз—безвкусно?

Брюсов глубокомыслено промолчал, а между тѣм это нас чрезычайно интересует.

Душевно больной (как увѣряет д-р Радин) Мартынов напримѣр происхожденіе всѣх слов находит въ **ѣдѣ**

Естество—есть, ѣство
эстетика—ѣстетика
радость—от ядость
День—Едень и т .д.

Конечно такая наука непріемлима, но если приведенныя обясненія понимать лишь эстетически—то нам многое станет ясным. В самом дѣлѣ развѣ поэзія и поэзы не напоминают нам Поэзія поѣдать или другой физіологическій акт?, и развѣ бывшіе дсп. поэты не творили в точности от переполненнаго желудка? Под вліяніем „настроенія“—

—„Поэзія пріятна, сладостна, полезна,
Как лѣтом вкусный лимонад—,

Принебрегая словом как таковым?

Может и „поэзы“ показались Брюсову безвкусным, напоминая ему какой-нибудь физіологическій акт?

Во всяком случаѣ отрыжкой несет от слов; поэзник, небистели, лизна, лионь и т. д.

Поэтъ изливается истекаетъ...

Он так плодовит—у И. Сѣверянина 6 или 12 книг, у Хлѣбникова больше дюжины поэм, дѣюг, трактатов да безсчетное количество мелких стихотвореній.

Манера Хлѣбникова—сперва наслюнявит, а потом утопит въ „ложкѣ воды“.

Самая подлая смерть!

Берегитесь слюнявых, п. ч. убьют не из ненависти, а лишь по глупости своей воистину „поцѣлуем предают“ по неловкости любить и растерянности отъ своей неудачливости.

Предатели любятъ кровь, а еще больше удушеніе и утопленіе..

Дѣва которую обидѣл жрец въ ярости своей потопила всю Атлантиду.

(Садок судей II)

Смерть в озерѣ

Гибнут конечно сѣрые солдаты: хлынули воды

У плотнин нѣт забора
Глухо визгнули ключи.
Кто по руслу шел утопая,
Погружаясь в тину болота,
Тому смерть шепнула: пая...
И вот протяжно ухали
Моцарта пропѣли лягвы“

И не случайно „бѣжит любезнаго вѣнца“ жених, утопивши невѣсту.

Такова разбойничья рѣка:
„И Волги бѣг забыл привычку
Носить разбойников суда
Священный кличь „Сарынь на кичку“
Здѣсь не услышат никогда“.

Слава Разину п. ч. он:

„Полчищем вытравил память о смѣхѣ
И черное море сдѣлал [illegible]м“.

Вода не слу[illegible]ется нам стихией страсти...

Страстная натура поэта (Тютчева), как и „вод“ его глубока; никогда не бывает больною; мятется природа поэта, словно юноша, не утратившій способности любви“
(*А. Бѣлый.*)

Хотя этой окраской (у Тютчева—анальное болото) воды можно не соглашаться, но примем к свѣдѣнію это признаніе важности влаги для поэта. У Хлѣбникова вода отомстила за себя; сперва слюни, влажность ю, не находя себѣ исхода, не растворяясь въ других вещах и звуках, стали убійцей поэта и міра!

Все въ природѣ должно погибнуть...

Если вы прислушивались к голосам диких гусей, не слышали-ли вы:

„Здравствуй долженствующіе умереть привѣтствуют тебя“!

Таков этот Іуда—любящій—предающій не из-за денег, не из ненависти, не по повеленію долга, а по великой любви—великій провокатор хотѣл всѣх благословить, а вмѣсто того утопил вселенную

Любил Русь, сочинял манифесты („Радой славун“ см. приложеніе) звал посолон на нѣм “—а не к тому ли звал, что и юняюк?

Он уж и сам видит потоп—да остановить не может!

Если лишь остается утѣшать себя тѣм, что он не признанный геній—Велеміp, что откроется, общество изученія его жизни“, что онъ один неприступный возвышающійся под окровавленным морем:

„На островѣ ыѣ. Зовется он Хлѣбников,
Среди раз'яренных учебников
Стоит как остров храбрый Хлѣбников.
Остров высокаго звѣзднаго духа,(!)
Он омывается морем ничтожества“...
(„Рыкающій парнас“).

Утопив всѣх можно на диком камнѣ надгробную надпись:

„Кукси кум и мука скук!“

Это конечно одна из его граней, во многих произведеніях он болѣе энергичный и плясучій.

Вѣдь только Хлѣбников мог придумать придумать такую китайскую пытку, такую скуку и безнадежную смерть! вот уж сѣсюканье, а настоящее лицо рѣчаря-смерти

Читайте справа или слѣва—надежды нѣт, одной улыбки, а одна **кукса** (рука лишенная пальцев, обрубок такой трагичный в наши дни).

Кукса свиух на скуксившемся лицѣ котораго отпечатлѣлись навѣк **муки скук**

—скука в усиленной степени, скука мужскаго рода—скук!

„Супротивица моя
Ходит в модной юбкѣ;
Если не гнушаешься любить—
Так люби облюбки!“
(народная)

от юбки к облакам

отъ кулота юнях, Хлѣбников переходит к сумраку обрубленнаго му

„Помирал морень, моримый морицей“

А вы видѣли Хлѣбникова живого?

Сумрачнѣе этого не бывает и медленно шагаетъ высокій крѣпко сшитый человѣк в длином сюртукѣ, а голова устало повисла на грудь и виден только гиганскій высокій лоб с вертикальной морщиной, подойдя ближе вы разсмотрите ближе и свѣжіе дѣтскіе глаза неизвѣстно куда смотрящіе, а потомъ безполезную улыбку отвислых губ.

Заглянув в рот замѣтите острые черные зубы.

Могилой зіяет его рот.

И как предсмертный стон (кто еще может головами видѣть человѣка) зовет его **зазовь**.

„Зазовь.
Зазовь манности тайн.
Зазовь обманнои печали...
Зазовь уманной устали.
Зазовь сипки прежников.
Зазовь зыбкихъ облаков.
Зазовь водностных таин.
Зазовь“.

(Судок судей II)

А. Крученых.

ТЕАТР, ИСКУССТВО И МУЗЫКА

Вечер Жанны Матиніон и Гюрджіева.

Мѣсяц тому назад в Казенном театрѣ выступила школа Жанны Матиніон.

—Публики пришло больше, чѣм нужно . . . .

. . . .

Когда не хватает слов, когда звук исчерпывает свою силу,—начинается жестикуляція, иступленный бѣг, прыг, валянье по полу! Танец—это послѣднее что остается, когда все испробовано...

Самый грубый зритель не требует, чтобы движенія балерины изображали поцѣлуй, объятія или какой другой житейскій поступок женщины: танец сразу лишает ума, подчиняя все непреклонной математикѣ—безумія ритму!

Идея ритма особо выдвинута за послѣдніе ¼ вѣка.

„Сократ упражняйся в музыкѣ“—этот бред курносаго мудреца очень понравился Ницше! Раціонализм всегда приходил лечиться к безумію во всѣ вѣка: одуріе мистикой или ритмическая гимнастика, лишенная всякой идеалогіи, на пустой площадкѣ искуства.

Далькрозом и теософіей увлеклись одновременно.

Хронологическое совпаденіе подало повод смѣшивать эти вполнѣ разныя явленія.

Правда, далькрозисты иногда стремятся к оздоровленію человѣчества, к созданію „новой прекрасной культуры“! Они говорят о пользѣ ритмической гимнастики, о воспитаніи воли...

Но это явная чепуха: будущее всегда бывает неожиданным!

Система Далькроза есть прежде всего танец, а потому она вовсе не нуждается в рекомендательных письмах от музыкантов, поэтов, художников, врачей, архитекторов!

Значеніе музыки чрезвычай
раздуто нѣмецкой философіей; с
времен Шопенгауэра стало общ
заблужденіем считать музыку пр
образом всякаго искуства; на
болѣе чистым и наиболѣе отв
членным!

Это мысль диллетанта! Профе
сіоналы должны понимать вред
ность такого пристрастія к музык

Далькроз выравнял фронт совр
меннаго искуства, освободив та
нец от стиля и предметности.

Балетоманы оскорблены жереб
чьей рѣзвостью новых плясун

Ритмическія упражненія Дал
кроза составлены при самом тре
вом пониманіи своего дѣла: т
жесть, упор костей, упругост
мускулов, сила инерціи,—вот вс
чѣм располагает танец; но из эт
го матеріала возможны 1000000
комбинацій! Каждый день в т
ченіи 10 лѣт можно ставить н
новые и новые танцы! Но вот н
пути продолжателей Далькроз
возникает странный вопрос: гим
настика или танец!—и опять н
слѣдственная болѣзнь сердца
стиль портит многое.

Жанна Матиніон отличилас
крѣпкой фантазіей и дала зрѣлищ
несравненно болѣе высокой мар
чѣм все балетное кривлянье, ч
видѣли мы в Тифлисѣ на той же
на других эстрадах.

Принцип поступательнаго движ
нія—жест сразмаху, бѣг сразго
(сила инерціи) использованы оче
полно.

Умѣнье приспособить внѣш
силы и обстоятельства дает евр
пейскій характер постановкам
Матиніон.

Но при чем тут бисерный Ш
пен, хотя и в малой дозѣ, но в
же просыпанный на эстрадѣ. П
чему не замѣнить этого неврас
ника барабаном?!

Повтореніе одних и тѣх же ф
гур в танцѣ вещь совершенно н
допустимая: движеніе должно раз
ваться, а не выпадать обрат
как булка у человѣка внеза
скончавшагося за обѣдом. Reif
и в поэзіи и в музыкѣ окончате
но испорчен модернистами, т
что к употребленію пока не г
дится.

В сотрудничествѣ с г-ой Ма
тиніон послѣдніе мѣсяцы работ
г-н Гюрджіев, по свидѣтельст
композитора Гартмана,—знаток в
сточнаго танца.

Как нельзя болѣе кстати пр
ходится Гюрджіев к школѣ Дал
кроза.

Если европейскій навык сост
в том чтобы приспособляться
внѣшнему, закруглять движеніе
парусах инерціи,—Гюрджіев да
вмѣсто разгона—толчок вол
рѣзкое прямое движеніе.

Метод Гюрджіева обогощ
Далькроза ровно вдвое.

Прекрасно срепетованны мас
вые движенія учениц, одновре
но вскидывавших то руку, то н
гу, идеальная безсодержательнос
этих движеній и прямизна, про
вели на публику впечатлѣніе о
ломляющаго отдыха... Послѣ ма
кровных „босоножек“...

Один, два танца, впрочем, Гю
джіев мог бы уступить Тама
Грузинской: имитацію бабочек
еще что-то воинственное!..

Нам совершенно неважно зна
что Гюрджіев изучал священ
танцы востока! Это его дѣло!

Надо просто ходить на гол
и по воздуху! Остальное при
жится.

Терент

Издательство „41°“.
Редакт. Редакціонная Коллегія.

Тифлисъ. Типографія Союза Городовъ Республики Грузіи.